КРОКОДИЛ

— К защите диссертации готов!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— И кто же ездит зимой в садоводческий совхоз? — удивлялись знакомые. — Снег да снег — больше ничего там и не увидишь!

Но я все же рискнул.

Центральная усадьба совхоза имени Ленина — современный, благоустроенный поселок. Она расположена в 30 километрах от Москвы, по Каширскому шоссе. Яблоки и молоко — вот два кита, на которых стоит хозяйство. Причем обе основные отрасли отлично дополняют друг друга: в междурядьях молодых садов растет корм для скота, а фермы поставляют для сада удобрения.

— Эх, яблочко! — задумчиво, но без горести говорит секретарь парткома совхоза Владимир Петрович Грищенко. — Много требует оно заботы и умения!

И яблочко получает все требуемое в достаточном количестве...

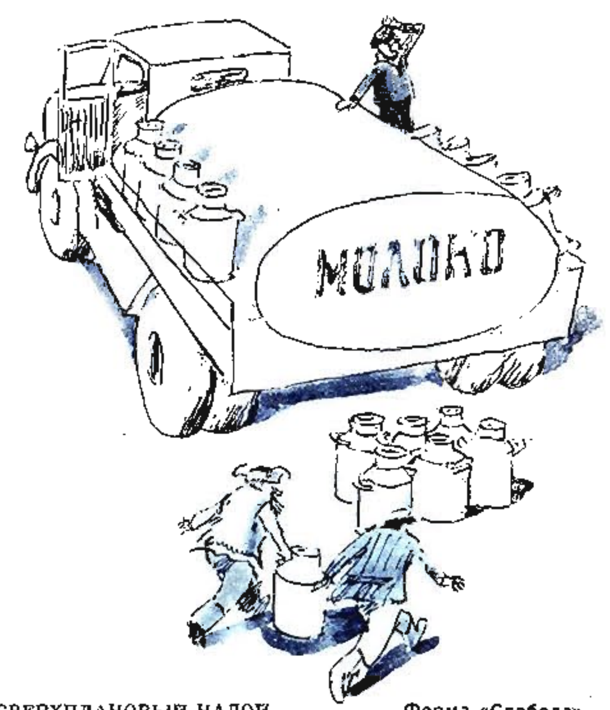
Будь я поэтом, я бы написал поэму.

Будь я прозаиком, написал бы восторженный «подвал» в газету.

Можно было написать о том, как совхоз выполнил свою пятилетку, о перспективах роста — к 1975 году здесь будут собирать до десяти тысяч тонн яблок в сезон. О большой селекционной работе в совхозе и строительстве совхозного консервного завода — не кустарного, а высокомеханизированного, на 4 миллиона банок. Об испытании новой доильной установки «Комсомолка» и новом культурном центре совхозного поселка. И уж, конечно, — о замечательных людях совхоза. Таких, как знатный пахарь Виктор Антипов, завоевавший недавно почетный приз — Серебряный плужок, или Прасковья Кавардак — одна из первых наших трактористок, возглавляющая ныне отделение совхоза. А сколько здесь прекрасной молодежи!..

Но, увы, я не поэт и не писатель. Я художник, а посему о совхозных делах хочу рассказать в рисунках.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

СВЕРХПЛАНОВЫЙ НАДОЙ

Ферма «Слобода».

ЯБЛОЧКИ ТРЕБУЮТ ДЕЛИКАТНОГО ПОДХОДА

Пульт управления сортировочным цехом.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Культурный центр совхозного поселка.

СВЕЖИЕ ЯБЛОКИ — К СТОЛУ

Холодильный цех.

БУДУЩИЕ ЧЕМПИОНЫ

На совхозный каток.

Бабкен КАРАПЕТЯН

Паук

Знает этот факт не каждый —
Кто слыхал, кто не слыхал:
Простудился зав однажды,
А точнее — зачихал.
Бывший рядом некий Жора,
Парень чуткий, разбитной,
Без излишних разговоров
Шефа проводил домой,
Как умелая сиделка,
Положил на лоб компресс,
На живот и пятки — грелки,
Повернулся и исчез...

Тут, придя в себя немножко,
Обалдевшая жена
Стала номер «неотложки»
Набирать, забот полна.
Но едва сказала слово
В аппаратик голубой,
В двери Жора входит снова
И врача ведет с собой.
От чудес таких, признаться,
От событий от таких
Рты открыли
домочадцы,
А закрыть
забыли их.
Зав тепло глядит на Жору:
— Не волнуйся, не беда.
Отлежусь и вновь в контору
Я прибуду, как всегда...

...Все — на службу человеку!
Взяв рецепт из рук врача,
Жора — молнией в аптеку,
Заклинанья бормоча...
— Жора, ты!.. Принес!..
Так скоро!..
И микстуру!.. И настой!..
— Вы больны, и вся контора
Стала круглой сиротой!

Зав заскромничал:
— Пустое...
Но жена восхищена.
— Что за сердце золотое! —
Спела пташечкой она.

Ей ответил Жора с ходу:
— Нам ваш муж
на счастье дан!
За него — в огонь и в воду,
Хоть в Севан, хоть в океан!

...Сколько дел
отнюдь не праздных
Без начала и конца,
Всяких дел разнообразных
У пролазы и льстеца!
Небывалые обновы,
Просто так, не за рубли,
Достает со дна морского,
Достает из-под земли.
И с рассвета до заката,
Став роднее всей родни,
Любит зава, словно брата,
Даже в выходные дни!

Домочадцы Жоре рады,
И, как видно, потому
Жора делает доклады
Заву прямо на дому.
А в ответ начальник лично,
Не сочтя хвалу за труд,
Вдохновенно, энергично
Хвалит Жору там и тут...

Время шло,
И в результате
Как-то среди бела дня
Жора крикнул:
— Точка! Хватит!
Замом делайте меня!
Зава словно окатили...
Онемела вся семья...
— Жора, милый, это ты ли!
Жорж ответил:
— Это я!
У меня свои расчеты,
Помню все наперечет,
Надарил я вам без счета,
А сейчас представил счет!

Зав моргает да и только,
Но — ни слова, ни гу-гу,
Открывает рот без толку,
Как карась на берегу...

...Жора наш теперь —
фигура:
Властный голос,
Строгий нрав.
Жора — зам. Но лишь де-юре,
А де-факто Жора — зав.
Всех подряд не принимает,
И не смейте докучать.
Он решает, повышает
И рукой своей сжимает
Штамп и круглую печать!
Зав грустит не без причины:
«Поделом мне, дураку!
Так попасться в паутину
К подхалиму-пауку!»

Перевел с армянского
Мих. РАСКАТОВ.

Ю. АНДРЕЕВ, В. БЕЛОВА,
специальные корреспонденты Крокодила

ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЙ СУФФИКС

Нам хорошо. Вот мы пишем и знаем, что этот фельетон перед публикацией прочтут по крайней мере человек десять, не считая корректора. И ни одной грамматической ошибки, конечно, не останется. Разве что незамеченные опечатки, которые, как правило, вкрадываются редко и по вине типографии.

Поэтому мы пишем смело и уверенно.

А как быть, допустим, кадровику, которого еще не коснулась всеобщая обязательная средняя грамотность? Как ему, бедняге, быть, ежели после него никаких редакторов и никаких корректоров?

Кадровик пишет не фельетон, который за милую душу можно опровергнуть. Кадровик делает запись в трудовой книжке, которую (запись) никто опровергнуть не сможет. Отныне и присно и во веки веков.

А владелец книжки страдает.

Он страдает не сразу. Владельцу недосуг заглядывать в свою трудовую книжку, а тем паче в свое будущее. Он себе паяет оловом и не думает о том, что в это самое время малограмотный кадровик из своей конторки подбрасывает ему мину замедленного действия.

Ибо ровно через восемнадцать с половиной лет, когда жизненные пути приведут владельца книжки в Калининский райсобес города Ленинграда, мина взорвется. И тогда...

— Нет-нет, — замашет руками инспектор райсобеса, — пенсия вам, гражданин, не положена. У вас, гражданин, стажа нет. Идите, гражданин, работайте дальше.

Кандидат в пенсионеры еще не ощущает масштабов постигшего его бедствия. Он еще пытается улыбаться и даже шутить, наивно полагая размягчить суровое сердце инспектора собеса.

— Это вы, девушка, смеетесь. У меня стаж вредного производства десять лет. Слава богу, хватает на льготную пенсию.

— Я вам при исполнении обязанностей не девушка, — отрезает инспектор и отсылает кандидата к заведующему райсобесом товарищу Никипировичу.

Товарищ Никипирович неприятно поражен.

— Мне непонятно, чего вы хотите, — удивляется Никипирович. — Может быть, вы хотите, чтобы я нарушил закон?

Ничего такого кандидат в пенсионеры не хочет. Он желает только одного: чтобы ему как паяльщику, проработавшему в этом качестве десять лет, дали льготную пенсию.

— Паяльщику? — вновь изумляется заврайсо. — Да какой вы паяльщик?! В трудовой книжке синим по белому написано: пай-щик. А пайщикам мы, извините, не платим. Пайщики — это в жилкооперативе. И в сельпо. А у нас социальное обеспечение. Улавливаете разницу?

Кандидат улавливает, но еще сопротивляется.

— Так ведь ошибка это! Описка, можно сказать. Никакой я не пайщик. Я паяльщик. Оловом.

— Ваши слова к делу не пришьешь, — скатывается на стереотип товарищ Никипирович. — Мне документик нужен. Ясно?

Паяльщику ясно. И он садится в автобус, едет на свой завод, где берет справку о том, что «запись в трудовой книжке от 6 декабря 1951 года неправильна, так как на заводе работали и работают только паяльщики и специальности «пайщик» не было. Зам. директора по кадрам Сергеев».

— Ну и что? — не отступает товарищ Никипирович. — Мало ли что не было. Мало ли что Сергеев. Это мне не документ.

— А что вам документ? — нервничает похудевший кандидат в пенсионеры.

Но заврайсо не склонен вдаваться в объяснения. Пенсионеров много, а он один. Пенсионерам делать нечего, а заврайсо осуществляет и решает. Не мешайте ему решать, выйдите, пожалуйста, в коридор.

Паяльщик отправляется на завод вдругорядь и идет к предзавкома Ермилову и председателю комиссии по социальному обеспечению Бабурину. Те возмущаются и пишут товарищу Никипировичу длинное послание, в котором подробно описывают трудовую деятельность Г. Н. Кононова. Сообщают, что в приказе, изданном в декабре 1951 года, и в трудовой книжке допущена ошибка. Профессии пайщика на заводе никогда не было. Больше того, в действовавшем тогда на заводе тарифно-квалификационном справочнике министерства указана специальность ПАЯЛЬЩИК. А при введении новой тарифной сетки в 1960 году Кононову Г. Н. установлен 3-й разряд сдельщика на горячих работах по специальности ПАЯЛЬЩИК, о чем сделана соответствующая запись в трудовой книжке.

В подтверждение сказанного Ермилов и Бабурин прилагают копию производственной характеристики от 8 сентября 1955 года, копию расчетной книжки № 2545 и копию профсоюзного билета № 1597582...

Но товарищу Никипировичу, очевидно, уже надоело возиться с нудным пайщиком-паяльщиком. Товарищ Никипирович ставит вопрос на обсуждение комиссии по назначению пенсий при Калининском райисполкоме. И комиссия обсуждает. Как она обсуждает и какие горячие споры при этом возникают — нам неизвестно. Нам известен результат:

«В назначении пенсии по старости на льготных условиях по списку № 1 гр-ну Кононову Г. Н. отказать... Период работы в качестве пайщика не может быть зачислен в льготный стаж, так как профессия пайщика списком № 1 не предусмотрена».

Кононов идет в горсобес и объясняет ситуацию.

— М-да, — сочувствует заведующая пенсионным сектором тов. Чернышева. — М-да. Но это, знаете, вопрос не простой. Это вам кажется, что суффикс перепутали, а ведь тут дело в принципе.

— Как же быть? — совсем теряется бывший кандидат, а ныне жалобщик. — Что же теперь делать?

Товарищ Чернышева долго думает, а потом предлагает отличный вариант:

— Значит, так. Ваш райсобес официально обращается к нам с письмом. Мы получаем письмо и официально обращаемся в Министерство социального обеспечения. А министерство, в свою очередь, официально обращается в Госкомитет по труду и зарплате. Пусть Госкомитет даст министерству официальное подтверждение, что вы не пайщик. Министерство спустит нам директиву. А мы дадим указание райсобесу...

Отличный вариант не проходит. Пока Кононов носил справки, пока вопрос решали инстанции, собес получил новую директиву: паяльщиков оловом из списка № 1 исключить, поскольку условия их труда изменились и по-старому паять категорически запрещено...

Сидит теперь Георгий Николаевич Кононов и думает: конечно, закон обратной силы не имеет. Но если бы не канитель с суффиксом, получать бы мне давно льготную пенсию. И ведь какая могучая сила заложена в злосчастном суффиксе! Дали бы мне сейчас этого кадровика, я бы ему этим суффиксом по лбу шарахнул. Или в крайнем случае заставил бы изучать родной язык до полного уразумения.

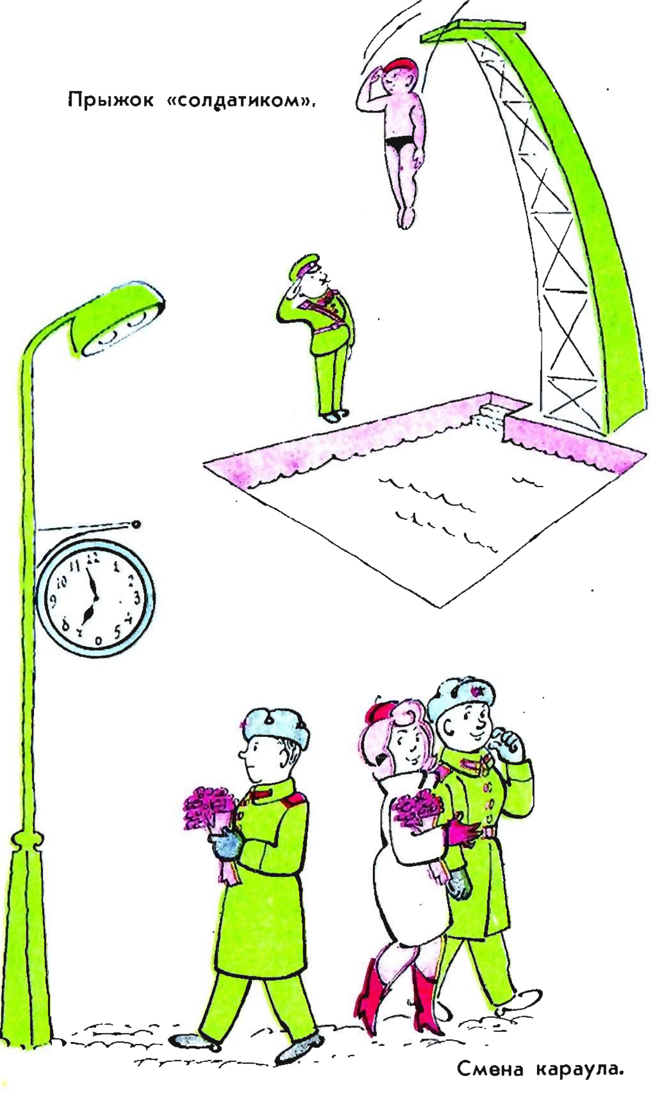
г. Ленинград.

СОЛДАТ всегда СОЛДАТ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА

— Срочная?
— Сверхсрочная.

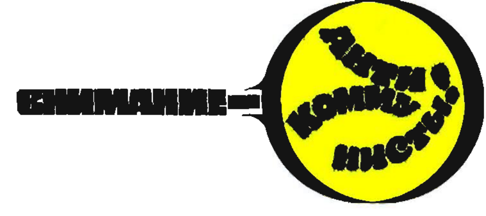
Прыжок «солдатиком».

Смена караула.

«Вильгельм Телль» на армейской сцене.

М. СЕМЕНОВ

Почему я не читаю Шекспира?

Да, так вот случилось, что я совсем перестал читать Шекспира.

Раньше было иначе. Выпадет, бывало, свободный час, зайдешь на кухню, сваришь крепкий кофе, сдобришь его густыми сливками и, насыщая тело, одновременно ублажаешь душу бессмертными сонетами:

> Когда меня отправят под арест
> Без выкупа, залога и отсрочки,
> Не глыба камня, не могильный крест,
> Мне памятником будут эти строчки...

А теперь вот, хоть и варю я по-прежнему кофе, но Шекспира уже не читаю. Особенно его драматические произведения, где он обличает ханжество, притворство, ложь и подлость. И все потому, что у этого джентльмена за последнее время слова расходятся с делом. И даже вскрываются кричащие противоречия между самими словами, сказанными вчера и сегодня. Но, впрочем, судите сами.

Когда-то Шекспир придерживался такой моральной позиции: «Смотри, говори правду: ты от этого только выиграешь» («Мера за меру»).

А сейчас Шекспир тщится доказать, будто американский народ горой стоит за продолжение разбойничьей войны в Индокитае. С этой целью Шекспир состряпал телефильм «Молчаливое большинство» для демонстрации за границей.

Сейчас Шекспир изо всех сил оправдывает гнусное преступление американских вояк в Сонгми на том основании, что «такие вещи случаются во всех войнах».

Якобы ратуя за смягчение напряженности на Ближнем Востоке, Шекспир пытается обвинить во всех смертных грехах Советский Союз и другие миролюбивые страны, хотя всему миру известно, кто действительно нагнетает напряженность в этом районе земного шара.

Как видит читатель, Шекспир, призывая говорить правду, предпочитает изъясняться языком кривды. Властитель дум, а избрал такой по меньшей мере странный способ диалога с читателем и слушателем...

Когда-то в «Генрихе IV» он справедливо предупреждал охотников до всяких выдумок: «...Небылицы похожи на того, кто их выдумывает. Они так же нелепы, чудовищно раздуты, и их лживость так же очевидна с первого взгляда».

А теперь сам распространяет по свету фальшивые басни о «коммунистической угрозе» и «секретных базах», одну нелепее другой.

В былые времена Шекспир разумно призывал к экономному расходованию словарного запаса:

> «Где мало слов, там ими не сорят;
> Кто в муках говорит, те не хитрят».

(«Ричард II»).

Теперь же слова, полные подленьких хитростей, коварных уловок и подслащенного яда, льются, как лава из действующего вулкана. Да что там лава — целый океан слов: они звучат по радио и по телевидению 860 часов в неделю. Этими словами, будто шелухой отравленных семечек, засорены многие страны в различных частях света.

Теперь, когда мы упомянули радио и телевидение, читатель может на законном основании спросить:

— Позвольте, а о каком авторе ведете вы речь? Во времена Вильяма Шекспира театр, конечно, существовал, но вот о телевизионной компании Си-би-эс и радиостанции «Голос Америки» что-то не было слышно...

Фельетонист мог бы продолжать затеянную игру, но, уступив чувству меры, сдается. Да, сегодня мы говорим не столько о Вильяме Шекспире, сколько о его американском однофамильце Фрэнке Шекспире, директоре Информационного агентства США (ЮСИА).

Недавно возглавленное Фрэнком Шекспиром агентство, по сути дела, является государством в государстве, не подчиняющимся никаким внутренним законам и установлениям. Эта империя, насчитывающая 12 тысяч сотрудников и поглощающая 173,3 миллиона долларов годового государственного бюджета США, подчиняется только мановению руки директора, подписывающего лихие инструкции своим многочисленным представителям за рубежом. «Я как директор этого агентства,— заявляет Фрэнк Шекспир,— отчитываюсь непосредственно перед президентом Соединенных Штатов, а не перед государственным секретарем».

Талейран сказал как-то: «Язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли». Директора ЮСИА не устраивает даже язык буржуазной дипломатии. «Информационная программа — это нечто иное, более новое, чем официальная и традиционная дипломатия». Иными словами: долой дипломатические увертки, камуфляж и всякого рода туманные прикрытия! Режь кривду-матку, какой бы бесстыдной, наглой и беззастенчиво лживой она ни была!

И Фрэнк Шекспир не стесняет себя никакими рамками... Он сеет в мире провокационные слухи и слушки, внедряет в личный состав агентства наиболее оголтелых антикоммунистов из числа «таких авторов, которые имеют личный опыт в вопросах коммунизма», то есть ренегатов и предателей. Он «чистит» находящиеся за рубежом библиотеки агентства, пополняя их бредовыми антисоветскими сочинениями, всплывающими на поверхность современного мутного книжного рынка США...

Кто-то может подумать, что директор ЮСИА Фрэнк Шекспир иногда, в редкие минуты самоанализа и раскаяния, горько сетует, что бросил тень на популярность и славу своего великого однофамильца. Но не станем обольщаться! Из всего обширнейшего литературного наследия высокопоставленный антикоммунист твердо заучил только вот этот диалог между двумя героями бессмертной трагедии «Отелло»:

> **Кассио.** Доброе имя, доброе имя, доброе имя! Я потерял свое доброе имя, бессмертную часть самого себя. Осталась одна животная. Где мое доброе имя, мое доброе имя!
>
> **Яго.** ...Доброе имя! Подумаешь, какая важность! Доброе имя — выдумка, чаще всего ложная. Не с чего ему быть, не с чего пропадать».

Фрэнк Шекспир давно и твердо поверил в истинность слов Яго: доброе имя — выдумка, миф по сравнению с реальными благами и положением на современной американской иерархической лестнице...

Но все же почему теперь я все реже и реже читаю Шекспира? Признаюсь читателю даже в большем: теперь на моем столе почти перестала появляться традиционная чашечка кофе. Стоит только вскрыть пакетик с кофейными зернами и бросить его содержимое в электрическую мельницу, как моментально возникает в воображении 44-летний антикоммунист, брызжущий отравленной слюной. И всякий аппетит мгновенно пропадает...

Нет, видимо, придется перейти на обыкновенный чай. По крайней мере не возникает никаких неприятных ассоциаций...

Два делегата вышли из комитета по деколонизации...

Рисунок А. КРЫЛОВА

ГЕРР КЛЯЙСТ И ЕГО ПУШКА

Он очень любит фотографироваться. Стоит в его резиденции, что в пятидесяти километрах от Мюнхена, появиться посетителю с фотоаппаратом, как он тут же одергивает пиджачок, взбивает седенькую шевелюру и мчится к своей любимой... пушке. Пушка, которую он собственноручно смастерил из печной трубы и тележных колес, смотрит на восток. Артиллерист-любитель не улыбается. Решительно стиснув зубные протезы, он устремляет взгляд в будущее, пытаясь разглядеть там день, когда его пушка сможет двинуться в новый «дранг нах остен».

Но 66-летний Петер Кляйст не только позирует фотографам, сидя на своей закопченной пушчонке. Он возглавляет новую неонацистскую западногерманскую партию «Акция сопротивления». Вместо палаты психиатрической клиники он подвизается на политической арене, источая бессильную старческую ненависть ко всему, что хоть как-то способствует разрядке международной напряженности.

Глава новой организации, как уже упоминалось, находится в возрасте, когда большинство его сверстников, удалясь от дел, посвящают остаток своей жизни разведению роз, коллекционированию пивных кружек или воспитанию внуков. Ни первое, ни второе, ни третье Кляйста не привлекает. Мемуаров он тоже не пишет, хотя вспомнить есть что: и свою службу в СС в чине штурмбаннфюрера, и пребывание на посту руководителя отделения «Ост» (Восток) в ведомстве Риббентропа, а позднее — работу в так называемом министерстве по делам оккупированных областей, и свой «вклад» в дело «германизации» прибалтийских республик, и кое-что другое.

После войны, с грустью припрятав до лучших времен свой черный эсэсовский мундир, Кляйст подался в журналисты, чтобы проповедовать идеи национал-социализма в ультраправых и неонацистских изданиях.

Подписанный в Москве договор между СССР и ФРГ был с одобрением встречен западногерманской общественностью. Кляйст, как нетрудно догадаться, отреагировал на это событие по-своему: отставной штурмбаннфюрер встрепенулся, забросил подальше шариковую авторучку и принялся сооружать уже знакомое нам орудие. Теперь его амплуа — политический деятель. Пробил час «спасать фатерланд от коммунизма», решает он и с помощью соратников из неонацистской НДП начинает сколачивать «Акцию сопротивления».

На ее первое сборище, проходившее в Вюрцбурге в октябре минувшего года, съехалось около четырех тысяч человек — преимущественно члены НДП, представители реваншистского «Союза изгнанных», бывшие нацисты. В тронной речи нового «фюрера» были четко и недвусмысленно сформулированы задачи организации. «Речь идет о том, — призывал Кляйст, — чтобы всеми средствами оказывать сопротивление правительству, чья политика угрожает свободе и миру в Германии».

— С сегодняшнего дня нашим противникам будет уже не до смеха! — надрывался другой оратор. И вслед за этим (дабы слова не расходились с делом) участники митинга высыпали на улицу. Около 500 полицейских равнодушно взирали на бесчинства штурмовиков образца 70-х годов, оравших: «Вилли Брандта — к стенке!», «Немецкая земля не будет раздариваться, скорее Брандт будет повешен!» Дело закончилось кровавым побоищем: озверевшие погромщики дубинками избивали рабочих и студентов, пришедших выразить свой протест против фашистского сборища.

Вслед за Вюрцбургом очередь дошла до Эссена, Вупперталя и, наконец, до столицы Федеративной республики — Бонна. На глазах полиции около сотни фашиствующих «сопротивленцев» бесновались перед зданием советского посольства.

Недавно в Западном Берлине хозяин пивной с довольно символической вывеской «К последнему кораблю» (любимое место сборищ западноберлинских ультра) справлял свой юбилей. Дабы кто-нибудь из «чужих» ненароком не забрел на торжество, предусмотрительный хозяин повесил табличку: «Вход только для арийцев». Музыки не было: ее вполне заменяло воспроизведение записей речей Гитлера и Геббельса. В разгар веселья юбиляр приятно порадовал собравшихся, показав номер, явившийся, без сомнения, гвоздем программы. Он втащил в зал упирающегося пса и приказал: «А ну-ка, покажи нам истинно немецкое приветствие». Под восторженные вопли собутыльников собака подняла правую лапу и пролаяла «хайль» (или по крайней мере что-то похожее).

Мы не знаем, присутствовал ли при этом Кляйст. Возможно, и нет. Однако собачий пример был с ходу заимствован членами «Акции сопротивления». Правда, вполне возможно, что собака тут вовсе ни при чем: кого-кого, а Кляйста уж нет надобности учить «истинно немецким приветствиям». Жаль только, что позабыл бывший эсэсовец, какой бесславный конец постиг тех, кто когда-то лихо вскидывал вверх правую руку: к ней пришлось присоединить и левую...

Сергей ГУК

— Пойдем, Николай Васильевич, погреемся немного!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Борис ЕГОРОВ

ОБИЖАЮТСЯ...

Послушав мое сердце и измерив давление, врач горестно заключил:

— Не очень, знаете ли, у вас... Курите?

— Да.

— Курить не надо. Бросьте. Жирное едите?

— Да.

— Жирное есть не надо. Бросьте. Характер работы?

— Пишу.

— Уж не сатиру ли?

— Сатиру.

— Сатиру писать не надо. Бросьте.

Врач был прав, ибо еще не доказано, что вреднее — курить или писать сатиру.

И дело не в трудностях самого ремесла, а в последствиях: все обижаются. Вирус обидчивости распространяется с невероятной быстротой..

Напечатаешь рассказец, небольшой рассказец, и вроде бы ничего такого в нем нет, а потом неделю, а то и декаду телефон покоя не дает. Звонят, жалуются.

— Эх, Борис, Борис! Не ожидал я от тебя такого,— убитым голосом говорит бывший дачный сосед Виктор Петрович.— Так меня ославить!

— Когда? Где?

— Как где? В последнем рассказе. Кто у тебя там главный отрицательный герой? Виктор Петрович. А я кто?

— Но...— пытаюсь я возразить.

— Что «но»? — перебивает меня собеседник.— Все сходится: он у тебя любит выпить, играет в преферанс...

— Я не знал, что вы преферансист. Когда вы сели за карты?

— Да года два.

— А мы целых три не виделись...

— Оправдывайся! Все сходится. Тот опаздывает на работу, я тоже опаздываю...

И я мысленно говорю себе: «Все. Викторов Петровичей у меня в рассказах больше не будет».

А кто будет? По этому вопросу я советуюсь с женой.

— Может, Степан Сергеевич?

— Ни в коем случае: за стенкой живет.

— Алексей Васильевич?

— Ты с ума сошел: мой начальник.

— Васи...

— Ни-ни!

— Аким...

— Никаких Акимов! ЖЭК! Техник-смотритель! Потекут краны — утонем...

Я хватаю справочник личных имен: Никон? Нестор? Никодим?

То же самое происходит с фамилиями. Отпадают: Иванов (лицо, от которого многое зависит), Петров (от него зависит еще больше), Сидоров (родственник).

Но одними именами и фамилиями дело не ограничивается.

— Эх, Борис, Борис! Ну и выставил ты нас на посмешище,— слышится в телефонной трубке.

— Кого это вас?

— Отдел кадров, где лежит твоя трудовая книжка. Смеются все. Проходу не дают.

— Я вовсе не имел в виду...

— Ха-ха! Не имел? «Тесный коридор, на стене старая стенгазета, на окнах решетки...»

— Товарищи, не в помещении дело.

— Ну да. Конечно, в людях. А почему ты пишешь, что у нас в отделе кадров холодно и сухо говорят с людьми?

— Почему «у нас»? Это же рассказ. Я не называл учреждения...

— Ладно. Будь здоров. Нам уже по выговору врезали.

И я мысленно говорю себе: «Больше об отделах кадров не пишу. Про бухгалтерию тоже. Уже пострадал. Не трогаю также месткомы: имею отповедь от профсоюзного журнала. Не касаюсь аэрофлота, академии педагогических наук, телефонной станции, пожарных команд. И ни единого слова о трубочистах! Чтобы не очернить их светлый образ».

О географии тоже надо подумать. Где происходит действие моего рассказа? По предыдущим своим произведениям я уже получил демарши из четырех областей и от одной автономной республики...

Может, действие перенести на другую планету? Еще хуже. Скажут: уже намеками говоришь? Да? «Один ответственный марсианин принес в дар другому, еще более ответственному марсианину, жареного поросенка...»

Нет, не надо называть место действия вообще. И кем работает герой — тоже. Отрицательным героем буду я сам. Все рассказы — от первого лица. А чтобы мне было с кем разговаривать, в рассказах будет присутствовать также моя жена. Думаю, не обидится.

Обиделась.

Сказала однажды:

— Знаешь, я долго молчала. Давай поговорим серьезно. Мне надоело, что отрицательных героинь ты списываешь с меня. Эх, зачем я только вышла замуж за сатирика! Был бы муж лириком или еще лучше художником — другое дело. Ты посмотри, Стеклярусов каждую новую жену гуашью пишет, а каждой старой оставляет по «Москвичу» в теплом гараже. А ты что мне оставишь? Юмор? Да?

А у меня в это время на столе лежал готовый юмористический рассказ на невинную тему — о том, как горожане не умеют отдыхать. Соберутся в воскресенье, допустим, на пляж, а из дома выбраться никак не могут: то телефон позвонит, то приятель заглянет, то по телевизору вроде бы передача интересная ожидается...

Рассказ начинался так:

«Я сказал своей жене:

— Поехали на пляж.

Она ответила:

— Согласна. Хочется полежать на песочке. Погреться...»

Надо было рассказ переделывать так, чтобы моя жена в нем не присутствовала. И я ее заменил. На чужую.

«Я сказал чужой жене:

— Поехали на пляж.

Она ответила:

— Согласна. Хочется полежать на песочке. Погреться...»

Жена реагировала на рассказ весьма резко. Несмотря на то, что я говорил ей о художественном вымысле, типических образах, праве художника на обобщение и выбор лирического героя.

Словом, кончилось тем, что ко мне пришел врач.

Послушав мое сердце и измерив давление, он спросил:

— Курить бросили?

— Бросил.

— Сатиру бросили?

— Нет.

— Смотрите, дорогой, потом будет поздно. И получится, как в одном вашем рассказе... Ну, в этом, про поликлинику... Кстати, скажите честно, почему вы решили в нем высмеять врачей. Чем мы вам насолили?

НЕ УГОДИШЬ!

Что ни говори, а уважения к нам, работникам гарантийного ремонта, по-прежнему не видать. А почему? Избаловались клиенты, все им мало, ну никак не угодишь.

Возьмите, к примеру, Орехово-Зуевское ателье гарантийного ремонта № 3. Там культура обслуживания поднялась на небывалую высоту. Поломалась, скажем, у кого-нибудь стиральная машина. Раньше что? Вези в мастерскую. Как хочешь и на чем хочешь. А теперь — один звонок, и пожалуйста: приезжает на дом человек. Пока, правда, не мастер, а осмотрщик. Его дело — осмотреть, убедиться, что машина действительно неисправна, а то, может, хозяин, чего доброго, пошутил. Осматривает он машину, вырезает гарантийный талон из паспорта и уезжает. А на прощание говорит:

— О дне приезда мастера известим открыткой.

И действительно, проходит месяц, ну два, три — на худой конец, и мастерская присылает открытку, где ясным дамским почерком написано, что мастер приедет, скажем, такого-то числа в течение дня.

А если мастер почему-либо не приедет? Вы думаете, так о вас и забудут? Нет! Вот тут-то вся культура и проявляется. Ателье присылает новую открытку и назначает новый срок.

А если опять визит не состоится, то и в третий раз напишут...

Иной раз по шесть — восемь открыток посылают. А открытки — загляденье: глянцевые, в ярких, жизнерадостных красках. Их и в альбом не грех вставить...

И что вы думаете, доволен ореховозуевский потребитель? Как бы не так! Один — кричит, другой — кричит. Я, говорит, из-за вас три дня с производства отпрашивался и все зазря. Соседке, кричит, шесть «поздравительных» открыток прислали!

И что делать с таким клиентом, даже неизвестно.

Т. ЛОСКУТОВА

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

С завидным упорством Иркутское горжилуправление и домоуправление № 5 пытаются доказать, что из обыкновенной писчей бумаги и чернил можно выгнать природный газ.

Эксперименты длятся вот уже пять лет. Пять лет инвалид II группы Купреева Н. И. просит установить в ее квартире газовую плиту. В течение пяти лет жилищное управление исправно пишет Купреевой: не волнуйтесь, мол, гражданочка, газовая плита у вас будет в следующем квартале.

И так из года в год — пять лет.

Вот и получается заколдованный круг: жилищное управление в лице тов. Зинченко ждет не дождется, когда надоест Купреевой писать жалобы, а гражданка Купреева ждет не дождется, когда Зинченко надоест добывать газ с помощью бумаги и чернил.

Л. ЕГОРОВА

Свадьба по-йогски

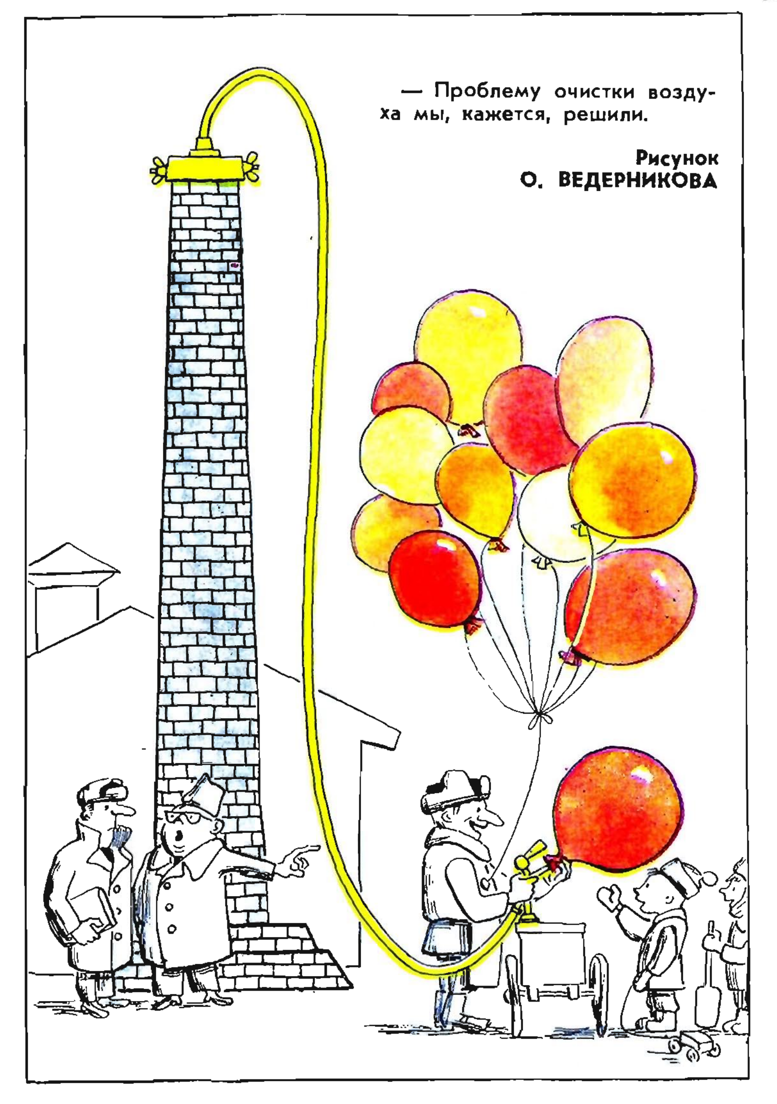
Это загадочное фото прислали в редакцию молодожены Гладких из города Владимира. Они попросили ответить на несколько вопросов:

1) Где жених и что он делает в момент бракосочетания?
2) Сколько невест приходится на одного жениха?
3) Почему участники этой торжественной церемонии занимаются гимнастикой по системе йогов?
4) Зачем ковер прибит к потолку?

К сожалению, мы не смогли ответить ни на один из этих вопросов, поэтому вынуждены обратиться за помощью к сотрудникам Владимирского комбината бытового обслуживания (Производственная улица, 22), который порадовал молодоженов этой фотографией. А заодно уж и задать им один вопрос от себя: каким образом печатаются и отсылаются заказчикам такие фотографии?

Т. РУДИНА

— Проблему очистки воздуха мы, кажется, решили.

Рисунок О. ВЕДЕРНИКОВА

Лед тронулся!

Было время (см. литературу о ледниковом периоде), когда под воздействием движущихся ледников повсеместно менялся климат, а с ним фауна и флора. Вот и к нам, в Красноярский край, пришел ледник.

Однако наш ледник в отличие от тех ледников образовался из водоразборной колонки, что была на улице Заречной. Колонку разобрали в августе и до октября собирали, но собрали неправильно, отчего вода стала разливаться по всей улице, превращаясь в лед. Смотрим мы на это стихийное бедствие и гадаем: что же будет теперь с нашей фауной, с нашей флорой?

А. ГАРЦУК

г. Красноярск.

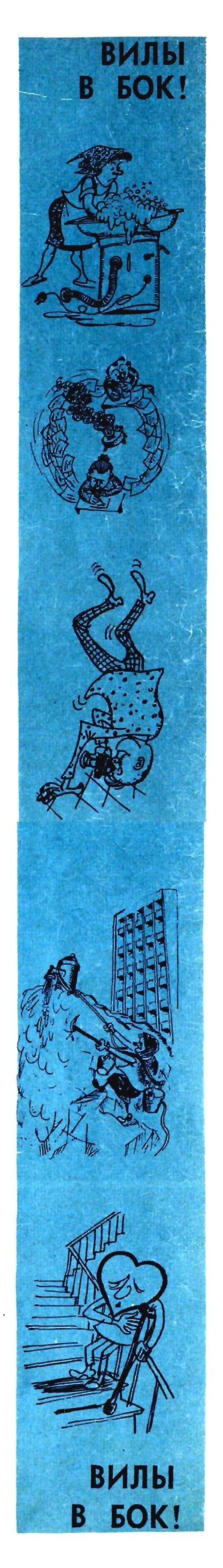
С НАУЧНЫМ ПОДХОДОМ

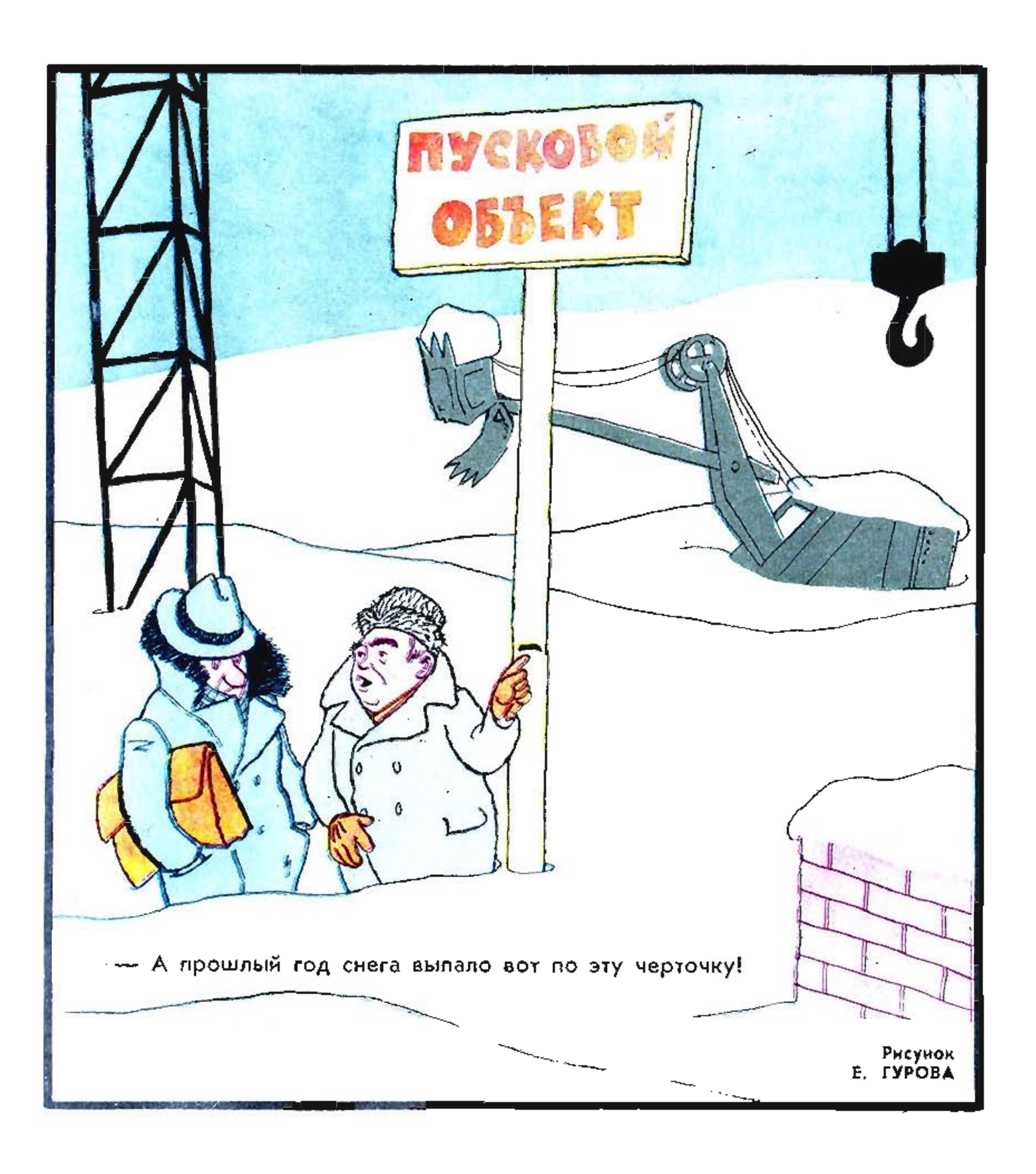
Сейчас многие медики считают, что для предотвращения сердечных заболеваний надо давать сердцу нагрузку: ходить, бегать, подниматься пешком по лестницам. Эта теория нашла большого почитателя в лице И. П. Алейника — начальника одного из управлений ленинградского треста «Союзлифтмонтаж».

Еще в начале 1968 года он подписал договор с калининским санаторием «Юбилейный» об установке лифта. Подписал, а потом подумал: «Нет, не будем ставить санаторию лифт. Пусть больные закаляют свои сердца на лестничных маршах!»

Вот уже скоро три года, как И. П. Алейник придерживается этой теории. Но если развить ее дальше, то следовало бы вовсе ликвидировать трест «Союзлифтмонтаж». Интересно, чем будет тогда заниматься И. П. Алейник? Не пойдет ли он в медицину?

А. КАРЕВ

— А прошлый год снега выпало вот по эту черточку!

Рисунок Е. ГУРОВА

А. ВЛАШИН

Дружба

Мой коллега Петр Иванович Фунтиков — хороший человек. Поэтому я с ним дружу.

Наши характеры как бы дополняют друг друга, и в результате получается гармония душ.

У Петра Ивановича характер мягкий. Между нами, это не человек, а тряпка. Поэтому он всегда остается внакладе...

Едем мы с работы трамваем. Ехать далеко, потому что наш трест на краю города. В вагоне людей порядочно, но я успел захватить место, а Петр Иванович стал рядом. Стоит и за ручку сиденья держится. Ну-с... А впереди сидит маляр в спецовке, и та спецовка грязная-прегрязная. Проехали мы две остановки, маляр поднимается, а Петр Иванович уже готов занять это место. Слава богу, я успел придержать его...

— Вы что,— говорю,— в своем уме? Вам, видно, костюма не жалко... Пусть сядет кто-нибудь другой и оботрет сиденье.

— Но другой тоже выпачкается,— отвечает он.

Я только руками развел.

Дурак и тот бы сообразил: то свой костюм, а то чужой. Разница огромная, а ему все равно...

Тут подходит к сиденью дама, а Петр Иванович ее останавливает.

— Не садитесь,— говорит,— здесь нехорошо...

Потом подошел мужчина. Он и его удержал. И еще подходили люди, и всех он предупреждал. И так, стоя, доехал до конца...

А ведь мог бы посидеть, если бы моего совета послушал. Как никак, ему под пятьдесят.

Второй пример. Было у нас собрание. Выступал, между прочим, сам директор Федор Андреевич и произнес замечательную речь о перевыполнении трестом плана. Я даже прослезился. Встал и аплодирую, а Фунтиков меня за пиджак тянет и бормочет:

— Ну что вы, в самом деле... Сядьте, ради бога...

Он тянет, а я аплодирую, потому что не могу удержаться. Такой характер... Я потом сел, но Федор Андреевич заметил мое одобрение. Человек он проницательный, и от его взора ничто не ускользнет. Истинно великий начальник!

А с Петром Ивановичем мы тогда поговорили довольно резко. Он все твердит: зачем, мол, было вставать... А я отвечаю: если вы можете равнодушно относиться к докладу Федора Андреевича, то я, извините, не могу. Душа моя еще не очерствела...

Через месяц мне — бах! — премия. А Петру Ивановичу — шиш. И представьте себе, перенес безропотно. А я тоже промолчал. Если я каждому буду объяснять, как вести себя, то сам останусь ни при чем.

Конечно, жалко человека, но своя рубашка к телу ближе.

Тут даже дружба не помогает.

г. Донецк.

КОНКУРС ФЕЛЬЕТОНОВ 1971

Покойник на стройке

А. ШЕЙНИН

В различные там чудеса или, того хуже, во всякую нечистую силу теперь мало кто верит. Но торопиться с выводами не будем. Поскольку, как утверждает популярная песня, в нашей жизни всякое бывает.

Судите сами.

Есть у меня в Волгограде знакомый, хороший такой человек, ученый. Кафедрой в институте заведует.

Так вот, является он ко мне в очень печальном состоянии. Ну, если прямо сказать, лица на нем нет.

Естественно, я забеспокоился, спрашиваю, что с ним.

— Что со мной? — переспросил он.— Лучше скажи, кто я?

— Как кто? Известно,— доцент. Студентов уму-разуму учишь.

Он печально посмотрел на меня:

— И ты так считаешь?

А потом обхватил голову руками, застонал:

— Бедная жена... Она даже не подозревает, с кем связала свою жизнь.

И вдруг, выпрямившись, ошалело закричал:

— Оборотень я!

Ну, заяви это кто другой, я бы за шутку счел. А тут человек солидный, ученый...

А он тем же голосом продолжал:

— Это ужасно!.. Вот все, как и ты, уверены, что я весной прошлого года лекции в институте читал, потом экзамены принимал. Есть даже вещественные доказательства — мои отметки в студенческих зачетках. Но, оказывается, в это же самое время я работал плотником на строительстве зерносклада за триста километров от города...— И вдруг снова: — Я оборотень!

Пришлось деликатно сказать:

— Послушай, ты переутомился, нервы сдали... Сходи к врачу, посоветуйся...

— При чем тут врач? — безнадежно махнул он рукой.— Меня в ОБХСС вызвали, платежную ведомость показали... Там черным по белому моя фамилия записана, имя и отчество, точный домашний адрес указан. И роспись в получении зарплаты. Правда, она не похожа на ту, что значится в институтских ведомостях... Но, возможно, это моя вторая роспись, ранее мне неизвестная... Ума не приложу, как я объясню жене, куда я девал деньги, заработанные на строительстве зерносклада. И ведь немалые деньги!

Он вдруг оживился:

— А знаешь, работал я там с огоньком! В одном месяце я выполнил план на 200 процентов, а в другом — на 250. Премию даже отхватил, свыше 100 рубликов. В получении их я тоже расписался. Надо бы съездить посмотреть. Возможно, моя фотография на Доске почета висит...

Естественно, что этот рассказ меня необычайно заинтересовал. Я отправился в ОБХСС.

Встретили меня любезно. Симпатичный следователь Александр Георгиевич Близняков устало сказал:

— Это что!.. Тут мы с такими фактами столкнулись, что голова кругом идет!..

И он поведал прямо-таки сногсшибательную историю.

Есть в Волгограде управление, именуемое строительным поездом Э-23 воронежского треста «2-й Центроэлеваторстрой». Правду говоря, поезда никакого нет. Видимо, для образности управление так названо, поскольку его работники должны ездить по периферии и возводить на радость хлеборобам различные помещения для хранения зерна.

Как они строят — об этом пойдет речь дальше. Пока же я хочу обратить внимание литературоведов на любопытный факт повторения сюжета классического произведения Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души» в современной жизни.

Сразу после назначения на главенствующую должность начальника управления Олег Георгиевич Штельмахов пригласил к себе для задушевной беседы старшего прораба Валентина Васильевича Потемкина, с кем вместе уже имел счастье отбывать наказание в местах не столь отдаленных.

— Скучно мы с тобой живем! — напрямик заявил Олег Георгиевич.

— Безынициативно,— согласился старший прораб.

— На одну зарплату, даже с премиальными, разве разгуляешься?

— Это уж точно!

— А плохо ли на выходной слетать в Сочи, освежить свои телеса в лазурном море, в ресторане гульнуть? А следующим утром — на трудовом посту.

— Куда уж лучше... Да билеты на самолет больно дороги. Где денег взять?

— Что деньги! — философски заметил начальник управления.— Была бы голова на плечах.— И неожиданно добавил: — Ты Павла Ивановича Чичикова знаешь?

— Что-то не припомню... Он в охране состоял или среди наших?

— Да,— печально заметил Олег Георгиевич,— отсталый ты человек. Гоголя в школе изучал?

— Ну, изучал.

— Чичикова не помнишь? Это же голова был, бизнес на мертвых, или, как он сам говорил, несуществующих, душах делал. Соображаешь? Несуществующих... Это как раз то, что нам надо... Ты составляешь наряды на работу, выполненную несуществующими лицами, я утверждаю...

— А деньги получаем мы! — подхватил литературно отсталый прораб.

Так ли или по-другому происходил разговор, утверждать не станем. Но что чичиковский принцип был принят жуликами за основу — это точно!

Верно, Валентин Васильевич был не очень сведущ в литературе. Но зато он отлично знал составы ведущих футбольных команд! Популярные мастера кожаного мяча самоотверженно трудились на строительстве зернохранилищ, в поте лица ремонтировали складские помещения, прокладывали подъездные пути к элеваторам, за что были неоднократно премированы.

Когда список футбольных знаменитостей был полностью исчерпан, Штельмахов и Потемкин обратились к такому прекрасному первоисточнику, как телефонный справочник города Волгограда. Он оказался поистине неисчерпаемым кладезем для составления фиктивных ведомостей. Вот таким манером мой знакомый и оказался в числе строителей одного из зерноскладов. Да он ли один? Директор крупнейшего в городе завода несколько месяцев работал кровельщиком, а персональный пенсионер, которому перевалило за семьдесят, так лихо рыл траншеи, что ему и молодой позавидовал бы.

К их чести надо заметить, что работали они, так сказать, на общественных началах, поскольку деньги — и немалые — за мнимую работу регулярно клали в карманы Штельмахов, Потемкин и присоседившийся к ним главный бухгалтер управления Е. Н. Глаголев. Таким манером им удалось украсть у государства свыше 40 тысяч рублей.

Работникам ОБХСС пришлось заняться решением даже потусторонних вопросов. Например, что могут построить мертвые, то бишь несуществующие души?

Для наглядности взяли очень важный объект — сооружение путей к элеватору на станции Обливская, Ростовской области, которое обошлось заказчику в 65 тысяч рублей.

Судя по приемочным актам, подписанным представителем заказчиков старшим инженером Волгоградского отделения Приволжской железной дороги В. В. Чернышовым, работа была выполнена в срок и на высоком уровне.

О, это была великая производственная победа, одержанная строительным поездом Э-23 под руководством Олега Георгиевича! Из Воронежа пришла поздравительная телеграмма. Министерство сельского строительства РСФСР и ЦК профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов по итогам соревнования за первый квартал 1969 года присудили «поезду» переходящее красное знамя и 2 тысячи рублей премии.

Будем надеяться, что Штельмахов, Потемкин и иже с ними, когда их «поезд» доедет до конечной станции, будут вспоминать об этом, как о самом ярком эпизоде в своей жизни.

Потому что никаких путей не было. Фиктивные наряды были, фиктивные акты тоже, а никакого строительства ни в первом, ни даже во втором квартале не велось.

Мало что удалось построить этому лжеуправлению и на других объектах.

И вот тут начинается самое сверхъестественное. Не день и не месяц — около трех лет группа хищников среди бела дня нагло обворовывала государство, а руководители воронежского треста «2-й Центроэлеваторстрой» ничего не видели, словно, как в детской игре жмурки, на них надели черную повязку.

И сигналы были, по ним приезжали из треста работники, а вот как будто заколдовали их: ничего не видят и ничего не слышат.

Скажем, приехал в Волгоград из треста старший бухгалтер-ревизор Н. А. Шапкин.

Встретил его Олег Георгиевич, конечно, как полагается. Во все дни пребывания грозного ревизора вино лилось рекой. Сказать, что с пьяных глаз Николай Андреевич вообще ничего не заметил, было бы несправедливо. В акте ревизии он отметил, что имеется перерасход по трамвайным билетам на 22 рубля 47 копеек.

Ошалевший от счастья начальник строительного поезда облобызал ревизора и поклялся внести перерасход из собственного кармана.

Самым приятнейшим образом прошло и пребывание в Волгограде заместителя управляющего трестом Е. С. Маломеда. Его водили по историческим местам, на спектакли местных театров, обильно угощали хлебом-солью, так что разобраться с положением дел в подведомственном строительном управлении просто времени не хватило.

И тут невольно нас со следователем одолело сомнение: а все ли благополучно на других участках этого треста? И решили мы заглянуть в другой строительный поезд воронежского «2-го Центроэлеваторстроя», который тоже находится в Волгограде. Наугад выудили из платежной ведомости фамилию гражданина, который в 1969 году очень уж активно работал на строительстве разных объектов. Колобихин Семен Степанович. Проживает в Красной слободе, что как раз напротив Волгограда, по улице Ленинской, 54.

Не поленились, съездили по указанному адресу. А теперь, честно говоря, жалеем. Сами того не желая, мы потревожили душевную рану жены, или, точнее сказать, вдовы Колобихина.

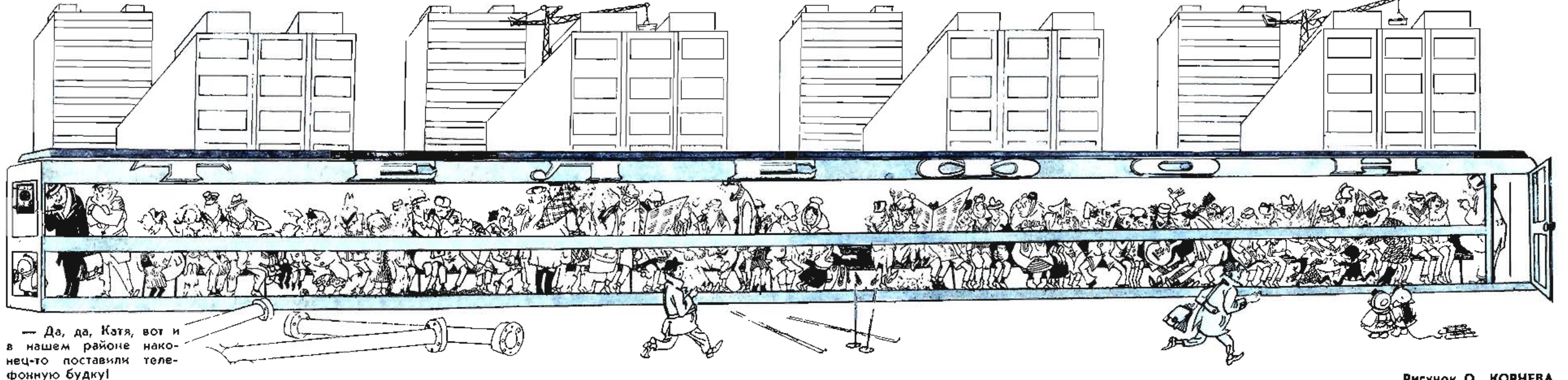
Дело в том, что еще в 1968 году Семен Степанович скончался.

Нет, тут уж не до острот. Тут уж оторопь берет, когда, царство им небесное, покойники строят зернохранилища. Да где! На земле, на которой волгоградские хлеборобы собирают сотни миллионов пудов хлеба!

Так и хочется воскликнуть:

— Братцы, а что делается в этом самом воронежском тресте «Центроэлеваторстрой»? Уж не завелась ли и там нечистая сила?

г. Волгоград

— Да, да, Катя, вот и в нашем районе наконец-то поставили телефонную будку!

Рисунок О. КОРНЕВА

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

ЭТОТ ОБЫЧНЫЙ ВЕЧЕР...

Татьяна Ларина вышла замуж против воли самого Пушкина. Так подчас герой начинает жить своей жизнью независимо от автора. Вот и тема очередного фельетона как-то вырвалась из-под нашего пера и грозит нечаянно обратиться в целую книгу.

Чтобы никого не утомлять, мы сегодня знакомим вас только с оглавлением. По старой доброй традиции в названиях глав мы слегка приоткрываем содержание, чтобы читатель сразу понял, о чем пойдет речь в каждой главе будущей книги. Там уж авторы не пожалеют ни бумаги, ни собственного крепнущего таланта, ни времени читателей. А пока:

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

рассказывающая о том, как авторы в вагоне поезда Москва — Липецк, попивая чай с коржиком, между делом оттачивают сатирическое перо, заранее рисуя, как им кажется, привычную картину праха и запустения. Рояль, запертый на амбарный замок. Балетный класс, отданный под хранение турнепса, или, проще говоря, кормовой репы. И, разумеется, хамдиректор — враг молодых дарований и саксофонов. Для пущего веселья там и сям разбрасываются легкие наброски с натуры пошляка-затейника, пьянствующего лектора по борьбе с алкоголем и заезжего жулика, скрывшегося с деньгами, выданными на покупку фигурного резака для фотостудии.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой говорится об ужасной растерянности авторов, не обнаруживших здесь упомянутого запустения. Их прежде всего искренне потрясает тот факт, что за несколько десятков лет количество клубов на славной липецкой земле увеличилось в 723 раза! Раньше в Липецке работал всего один клуб. Да и тот купеческий, с буйным распиванием шампанского «Пли», цыганским хором и битьем зеркал. Сегодня в городе и области 723 клуба, Дома и Дворца культуры, которые уже одними своими названиями говорят об их благородных целях и гуманных задачах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

из которой явствует, что 723 — цифра настолько гигантская, что наше внимание концентрируется только на двух Дворцах культуры. Но и здесь могучий сатирический талант авторов пропадает зазря, так как рояли призывно улыбаются во всю ширину своих клавиатур, в балетных классах усердно вертят фуэте, а работяги-директора с мичуринской заботой растят и лелеют нежную поросль молодых и пожилых талантов. Детям устраивают утренники «Вам, дети», молодежи, «обдумывающей, делать жизнь с кого», — организуют цикл вечеров с одноименным названием и, наконец, кинолекторий знакомит вас с творческим путем артиста Рыбникова. А еще в десятках кружков репетируют «Гамлета», вышивают стебельчатым швом, робко набрасывают на ватмане торс Дорифора и кричат молодецкое «Ап!», вспрыгивая друг другу на плечи в красивейшей пирамиде. И тут авторы серьезно задумываются над тем, что, наверное, все это и есть весьма достойный пример того, как должен работать сегодняшний клуб. Авторы уже поспешно упаковываются в обратный путь, но одна неожиданная встреча путает все их планы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

где рассказывается поучительная история о том, как один товарищ начинает испытывать определенные позывы к общению с другими людьми. Но нагрянуть к кому-нибудь в гости как снег на голову не всегда кстати. Хозяин дома как раз в этот момент, может быть, перелицовывает летние брюки или делает «козу» дочери, и гость чувствует явную необязательность своего визита. Нет, не пойдет он в гости. Он пойдет в свой клуб. И вот он приходит в клуб без определенных намерений. Физически развитые активисты с повязками на бицепсах встречают его в дверях, над которыми с радушием написано: «Добро пожаловать!». Очень быстро выясняется, что пожаловать-то совсем не добро, поскольку в кино наш скучающий товарищ идти не хочет. Других же мероприятий в этот роковой вечер нет. И желание нашего товарища попасть в клуб «просто так» совершенно необъяснимо. Один из активистов участливо спрашивает его: «Может, вы на вечер из цикла «Радость моя, гордость моя, счастье мое — работа»?.. Так это завтра». Надменно оттесняя растерявшегося товарища плечом, в клуб проходят баритоны народного академического хора, солисты студии современного бального танца и герои-любовники из драмкружка. Они чувствуют себя избранниками судьбы. Их всего 630 в разных кружках и секциях. Авторы задают себе вопрос, куда же девяться многим тысячам остальных работников Новолипецкого металлургического завода, и не находят ответа. Они сочувственно смотрят вслед не впущенному в клуб товарищу, в котором, вероятно, позыв к общению угас и который дал себе слово никогда больше не приходить в свой клуб.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

из которой ясно, что клубы тем не менее каждый вечер полны. Что же влечет и манит туда людей? Авторы с огорчением отмечают, что дней двадцать в месяц — кино. Два уже упомянутых городских оазиса культуры, два Дворца: на правом берегу — профсоюзный и на левом берегу — Новолипецкого металлургического завода — работают с унылой монотонностью конвейеров. Изо дня в день, помогая выполнению финансового плана, на их экранах усердно трудится какая-нибудь «Европейская невеста». В субботу дворцовых работников вдруг осеняет, что Дворцу не подобает превращаться в простой кинотеатр, и они устраивают что-нибудь совсем неожиданное, вроде танцевального «Вечера современных ритмов». Но ощущение, что нигде так не любят кино, как в Липецке, не покидает авторов. В календарном плане ДК профсоюзов после названия той или иной лекции написано просто и заманчиво: кинофильм. Кино здесь не только надежная статья пополнения дворцовой казны, но и безотказная наживка, при помощи которой липчан ловят на крючок какого-нибудь нудного календарного мероприятия. «Но неужто только кино зовет людей в клуб?!» — дружно вскрикивают авторы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

легко переносящая читателя на обычный, так сказать, нормативный вечер танцев, разразившийся в субботу в ДК профсоюзов. Вопреки уверениям дирекции, сулившей нечто вроде первого бала Наташи Ростовой, на деле все оказывается чуточку грубее и резче. Буфет торопливо торгует пивом. Дружинники деловито берут за руки подвыпивших юношей и быстро уводят их с глаз долой. В главе упоминаются и милые девичьи откровения в углу зала, подслушанные бестактными авторами. «С пьяным я никогда не пойду танцевать. А если он немного подпил, так только веселее. Болтает все время, а не молчит, как сыч», — говорит Таня. «Но вообще-то с подругой танцевать спокойнее, — говорит Люда. — По крайней мере знаешь, что она не пьяная». Авторы вспоминают фамилии Тани и Люды, но полагают, что не в этом суть. В следующую субботу вместо них сюда на свой сорокакопеечный первый бал придут Ира и Лена. И будут те же разговоры, те же дружинники и тот же буфет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

рисующая такую современную пасторальную картинку, где вы, читатель, проводя досуг в родном клубе, постоянно общаетесь с чрезвычайно широким кругом чрезвычайно симпатичных вам лиц. Вы ходите с этими лицами в кино, а потом еще сидите в гостиной, беседуя, скажем, о голографии, о демографическом взрыве, о том, что управление термоядерной реакцией, оказывается, возможно только при помощи «палочек Иоффе» или на другие обоюдоинтересные темы. Вы танцуете с этими лицами, смотрите телевизор, сражаетесь в шашки, играете в четыре руки пьесу Гедике «В садике», быть может, участвуете в викторинах. Вы узнаете людей в разных ситуациях и проявлениях.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

намекающая на поистине бесконечное количество больших и малых проблем, которые может решать сегодняшний клуб. А пока он этого не делает, все мы, может быть, сами того не подозревая, давно уже состоим членами различных клубов. Они не имеют белокаменных хором, доверху набитых роялями «Блютнер» и журнальными столиками фирмы «Аска». В любую погоду болельщики, стихийно собравшиеся под открытым небом, разворачивают пламенный диспут о том, что у Фирсова «еще есть порох», а вот Полупанов «как-то сломался». Никто не подсовывает в почтовый ящик вместе с «Мурзилкой» афиш-листовок, призывающих выйти на бульвар со своим домино. Но каждый день на всех бульварах происходят массовые состязания в умении «держать азики» и «дуплиться». Никто, наконец, не говорит с плохо скрытой угрозой: «Явка обязательна!» Но когда вечереет, дворовая беседка не может вместить всех желающих. Там душевно поют, обмениваются новостями и молодецки звенит гитара.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

не оставляющая никаких сомнений в том, что из сегодняшнего, даже блистательно работающего клуба мы уже несколько выросли, как незаметно вырастают из любимого пиджака. Авторы далеки от мысли ратовать за клубы на манер английских, где аристократы из поколения в поколение покупают себе право каждый вечер курить сигару в компании трех приятелей. Но авторы ратуют за то, чтобы наш клуб стал таким местом, где человек всегда, каждый день смог бы найти для себя и отдохновение от дневных забот, и развлечение, и интересное занятие. Он сможет назначить там деловое или сердечное свидание, и никто при входе не потребует у него билет на танцы. И уж, будьте уверены, в своем «втором доме» никто не бросит окурка на пол. И в кино не придет, накинув пальто прямо на майку. Когда же у человека появится какая-нибудь интересная идея, то он сломя голову побежит в любимый клуб, потому что, если копить идеи в себе, можно лопнуть.

И никто уже не будет до приступа мигрени выдумывать казенный план работы, вписывая в соответствующие графы соответствующие мероприятия. Потому что ежедневная работа клуба будет разносторонним непрекращающимся мероприятием!

г. Липецк

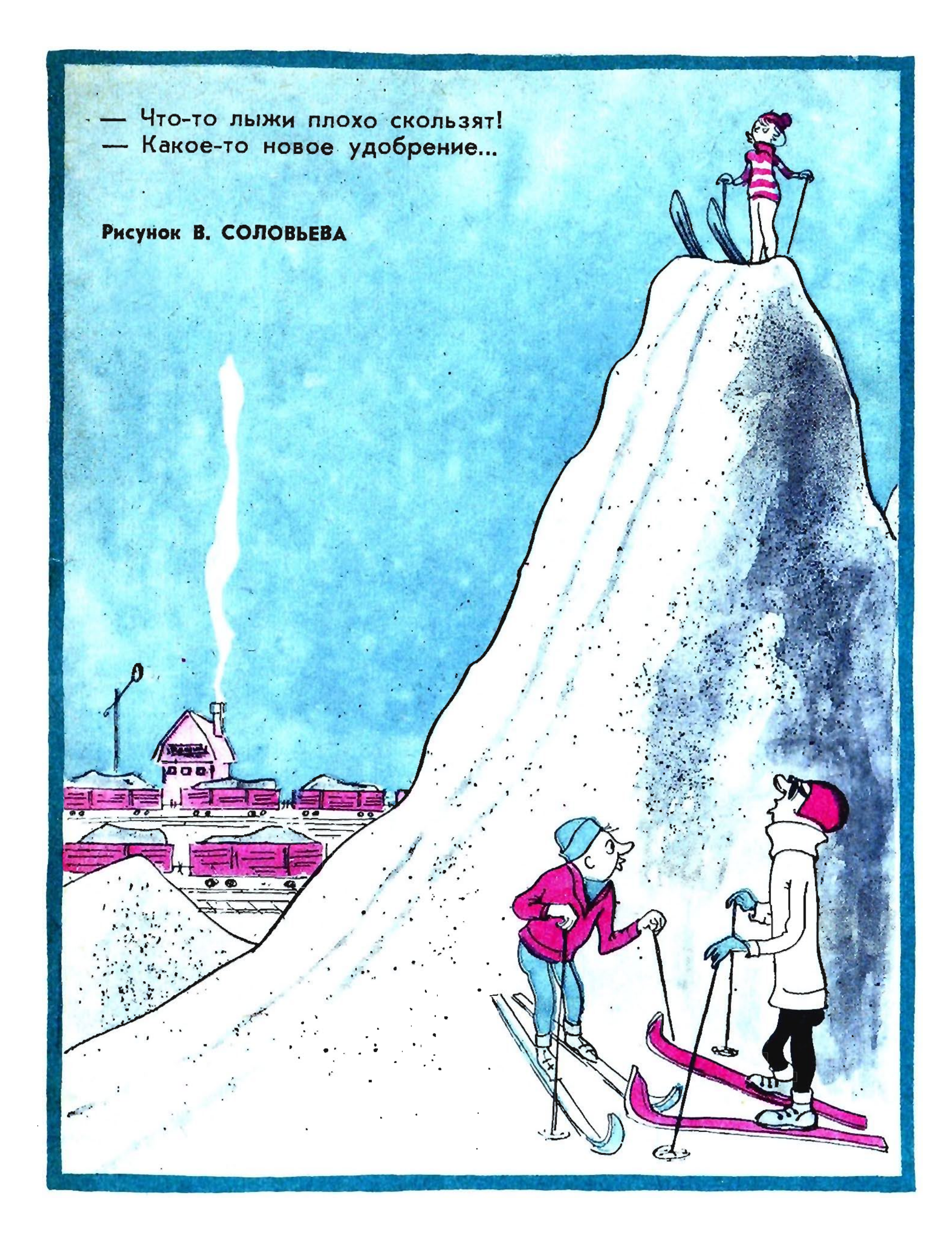

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Анна Петр.!
Возьмите в машбюро лекцию „Передовые методы лечения слабоумия" (10 экз) и раздайте тем, у кого не хватает
Ненатов

(Распоряжение)
Прислал А. Геник, г. Горький.

29²⁰ X 70 г. в 11⁰⁰ часов дня на территории завода, состоится встреча со знаменитыми артистами СССР, желающие могут встретиться у входа центральных ворот.
администрация.

Прислал В. Умрилов, г. Ижевск.

1971
1ое гос
Человек из окон
годовой
Унеча

(Квитанция подписки на журнал «Человек и закон»)
Прислал А. Николаев, г. Унеча.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

КРАСНОФЛОТСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД ПРИГЛАШАЕТ НА РАБОТУ ХЛОРАТОРЩИКА, оклад 60 руб. + 20% поясной коэффициент и + 15 руб за обработку уборных.

АДМИНИСТРАЦИЯ

Прислал В. Стрельченок, г. Архангельск.

Объявление
Пускаю на квартиру любую половину женского пола.
Обращатся по адресу:
1Кр-ск ул. Робиспьера 44кв8.
В любое время

Прислал Н. Соловьев, г. Красноярск.

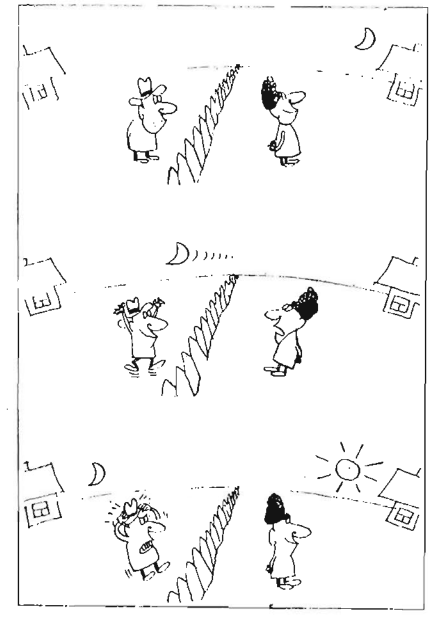
Эшбек Яриев — животновод совхоза «Янгиер». Добился хороших результатов. В этом году он сверх плана получил семь телят от яловых коров.
Фото О. АДИЯНОВА.

Газета «Янгиерские зори», г. Янгиер.

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

Это два рисунка главного художника молдавского сатирического журнала «Киперуш» Алексея Грабко.
Они вам понравились?

Тогда советуем посмотреть остальные 78 его карикатур в альбоме, выпущенном недавно издательством «Картя Молдовеняскэ».

ЦИРК УЛЫБАЕТСЯ,

а он и не может иначе. Разве вы когда-нибудь видели грустный цирк? Потому-то книжка, составленная из карикатур, посвященных цирку, очень веселая книжка. «Собственно, почти каждый рисунок,— говорит в своем предисловии Александр Безыменский,— это своеобразная цирковая реприза... Динамика, острота, экспрессия, лаконизм — качества, присущие и цирку и карикатуре. Есть у них еще одно общее качество — неожиданность. И вот, листая эти страницы с остроумными, неожиданными рисунками, я словно окунаюсь в атмосферу дорогого моему сердцу цирка...»

Нам остается только добавить: если вы любите цирк — а в этом мы не сомневаемся! — вы прочтете книжку «Цирк улыбается» (составитель и художник Николай Елинсон), только что вышедшую в издательстве «Искусство».

ГАЙКА В БИФШТЕКСЕ

Старый мастер инструментального завода Денис Корнилович, ужиная в ресторане, обнаружил в бифштексе гайку. Он повертел ее в руках, поднес к очкам и взорвался.

— Безобразие! — закричал он.— Это же...

А когда насмерть перепуганная официантка предложила ему новый бифштекс, Денис Корнилович изумился еще больше.

— При чем здесь бифштекс,— в сердцах сказал он.— Вы на гайку взгляните: как в ней резьба нарезана? Фаски где, обработка? Это же уродина! Эх, работнички!..

Что делать, уж таков он был, старый мастер, недогадливый клиент. О нем и других таких же недогадливых клиентах, попадающих в самые, казалось бы, невероятные ситуации, с доброй улыбкой рассказывает киргизский сатирик Евгений Тесля в сборнике, который он так и озаглавил: «Недогадливый клиент». Сборник вышел в издательстве «Кыргызстан».

Рисунок Г. ИОРША

Сергей СМИРНОВ

КОРОТКИЕ БАСНИ

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

И НА ЭТОМ СПАСИБО!

Ко мне мой друг не завернул
В порядке уваженья.
И
целый вечер
он вернул
В мое распоряженье.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Сказал Козел,
Что в Волке — корень зла...
Начальник Волк
Не медля
съел Козла.
Мораль:
Тут прав не тот,
кто просто прав,
А кто,
увы,
имеет больше прав.

ЧУВСТВО САМОКРИТИЧНОСТИ

Оно
Для нас немало значит...
Но —
Когда его не прячем
Под сукно.

ПЕТУХ-ПИТУХ

Как алкоголик и питух
Зело прославился Петух.
Глядишь:
В мгновенье ока —
сел,
Хлебнул,
Икнул
И окосел.
Он всех собратьев
перепил,
Он пропил
голос,
пропил
пыл.
Петух-питух
на диво всем
Стал
алкоГОЛЕНЬКИМ
совсем...

СЕКРЕТ УСПЕХА

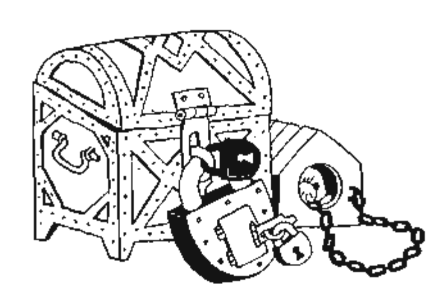
Поет не так,
Бубнит не то,
Но целый зал
пред ним
немеет:
Павлин бездарен, как никто,
Зато
«подать себя»
умеет.

ЖУК-ГУРМАН

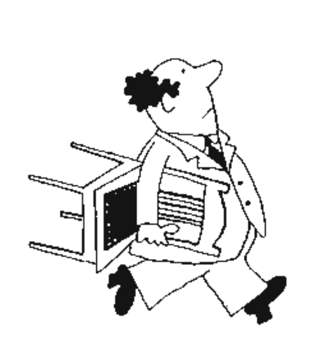
Жук
нажужживает,
что:
мед — типичное не то...
Сахар — тоже не того-с...
Мне,
Жуку,
подай навоз!

СВЕРХБДИТЕЛЬНЫЙ БАРСУК

Он ждет подвоха
даже от жены,
Сверхбдительным слывет
на всю округу.
— Мы,— говорит,—
проникнуться должны
Здоровым недоверием
Друг к другу.

ТОТ ФЕДОТ!

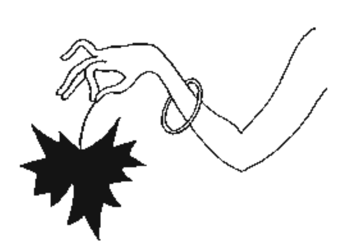
Тут
правде
соответствует едва ли
Определенье,
Что Федот не тот:
Еще
кандидатур
не называли,
А он
уже
В президиум идет.

КРОВНАЯ МЕСТЬ

Проказил Петушок исподтишка.
Отец Петух
одернул Петушка.
Проказник
скок за дверь —
и на мороз.
Стоит без шапки,
Полугол и бос.
— Эй, что с тобой! —
спросил его Барбос.
А тот
всерьез:
— Да это
в пику папке —
Пусть мерзнут у меня
Мой гребешок и лапки!..

ЕВА И ДЕВЫ

Прикрылась Ева
Фиговым листом,
А мини-юбку
завела
потом.
Есть признаки,
что нынешние девы
Перехлестнут
Экстравагантность
Евы.

А. ВЕРЕТЕННИКОВ

Новый год коллектив лаборатории отмечал по традиции на квартире главного инженера Клокова.

Экономист Зайкин прибыл последним. В лаборатории он работал недавно, традиций не знал и поэтому застыл, озадаченный странным зрелищем.

Сотрудники нетерпеливо топтались в прихожей, ожидая своей очереди, чтобы встать на весы. Хозяин квартиры пристально вглядывался в показания стрелки и сообщал их своей супруге, которая стояла рядом и отмечала на грифельной доске:

Супруненко	—	87,5
Кобысская	—	102,3
Повозкин	—	78,0
Возианов	—	99,9

Графа называлась «С каким весом товарищ пришел». В следующей, пустовавшей пока, значилось: «С каким весом товарищ ушел».

— Эт-то еще зачем?— тревожно спросил Зайкин у стоящего последним плановика Зацепина.

— А чтоб видно было, сколько, значит, товарищ наел. Чтоб знать, кого в другой раз приглашать.

«Эка коварно задумано,— опешил Зайкин.— И вроде бы смехом, а по сути-то иезуитство. Что ж делать-то? Я ж сегодня специально не обедал».

Из гостиной тянуло ароматами праздничного стола, издевательски уставленного всевозможными яствами. Сквозь приоткрытую дверь просматривались блюда с закусками. Призывно и загадочно мерцали бутылки различной конфигурации.

Зайкин приближался к весам. «Возмутиться нельзя, скажут, юмора не понимает. А какой тут, к черту, юмор! Что делать?»

Решение пришло неожиданно. Под вешалкой лежали трехкилограммовые гантели. «В самый раз»,— подумал Зайкин. Мозг экономиста выдал программу: «Напитки — 0,5 кг, закусь... В два с половиной кило надо уложиться». И он сунул гантель под пиджак.

«Зайкин — 75,0»,— отметила на доске хозяйка.

...Застолье разворачивалось по всем правилам русского гостеприимства. Сознание своей неуязвимости привело Зайкина в исключительно праздничное расположение духа. Он вовремя положил гантель на место и сейчас с нескрываемой иронией наблюдал за легкомысленными сослуживцами, налегавшими на еду. Сам он уже съел две гусиные ножки, опробовал все закуски, большую часть напитков и, едва сдерживая ехидную ухмылку, злорадно потчевал дам, которые, впрочем, не заставляли себя упрашивать.

Он понимал, что очень важно с самого начала зарекомендовать себя в глазах нового руководства человеком скромным и умеренным. И вот сегодня ему выпало испытание, из которого он вышел так остроумно.

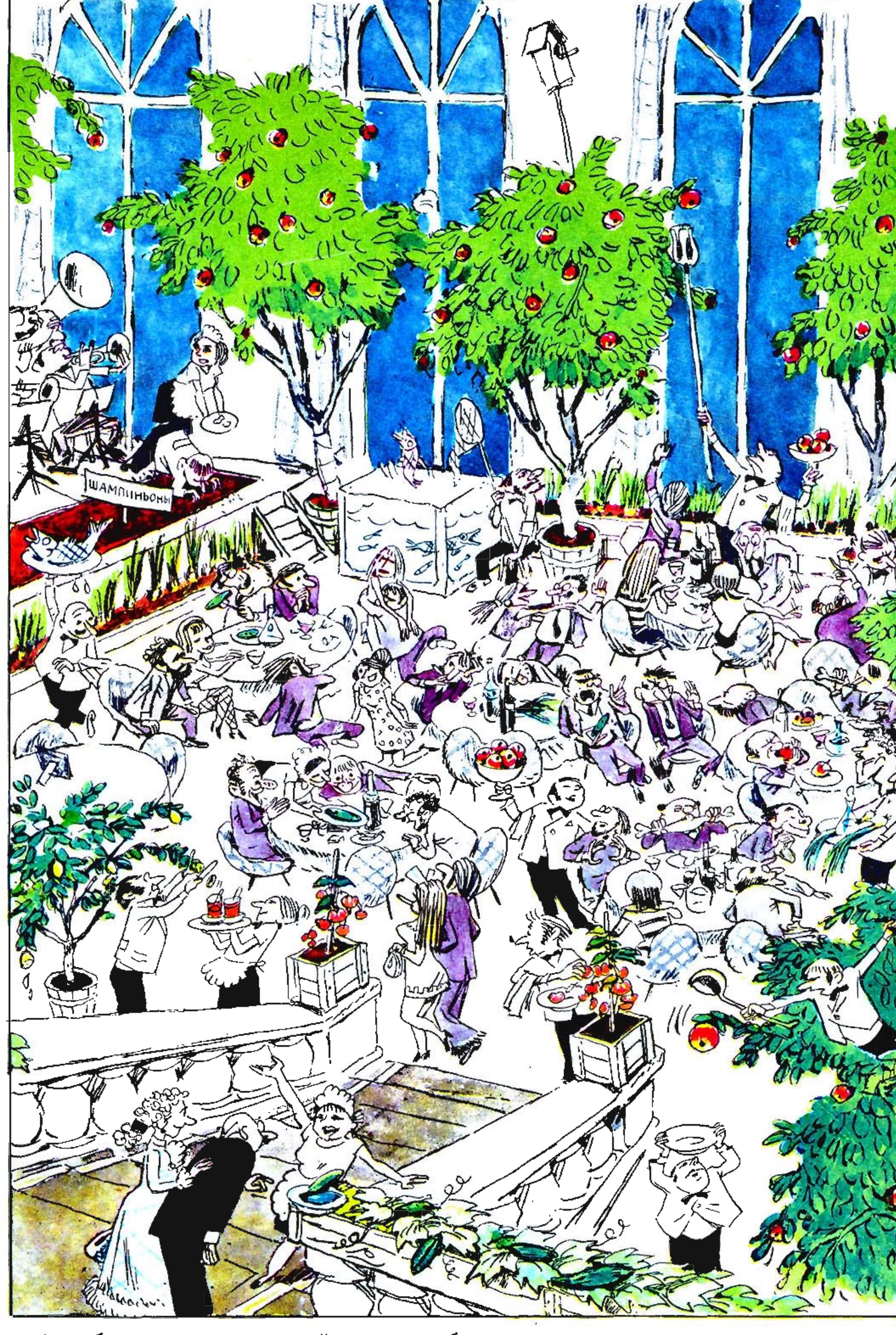
...С трудом поднимаясь из-за стола и тяжело дыша, сослуживцы становились на весы.

— Семьдесят пять двести! — ахнула хозяйка, когда очередь дошла до Зайкина.— Всего двести граммов? — И она с изумлением окинула взглядом фигуру гостя.

...Приближалось 8 Марта. До Зайкина дошли слухи, что вся лаборатория опять собирается на квартире у Клокова. Однако его почему-то никто не приглашал.

Недоумение Зайкина рассеял плановик Зацепин:

— А ты думал как? Перво-наперво, ты хозяйку обидел: делал вид, что ешь, а сам, выходит, ни к чему и не притронулся. Супруга у Клокова самолюбивая. Кроме того, он усомнился в твоих деловых качествах. У Клокова принцип такой — кто не ест, тот не работник. Так что, Зайкин, хоть ты и экономист, а человек недальновидный: сокращение штатов предстоит! На одну треть!

— А мы больше не ждем милостей от овощных баз...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

Дарил розы, с надеждой посматривая на шипы.

Не всякий, кто прицеливается, желает попасть в цель.

Почтовый перевод иногда выражает больше, чем художественный.

Встречаются идеалисты, которые никогда не работали с душой.

А. ФЮРСТЕНБЕРГ

ПОЭЗИЯ: ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ

Липецкая область, г. Усмань, С-ву Д.

Прочитали Ваши стихи:

И вот однажды на рассвете
Пришел домой он на газах,
Одет был в женском берете,
С грошами в трепетных руках.
Перенесла тогда, что можно
Во гневе праведных обид:
Ругалась матерно, безбожно
Во мглу космических орбит.

И удивились: как это до сих пор ни одна планета не сошла со своей орбиты?

Комсомольск-на-Амуре, А-ву Н.

Вы пишете:

Тут уж вспомнишь
Все те небылицы
И привреешь слегка,
Не болит ведь поясница,
Смерть так далека.

Отсутствие боли в пояснице — еще не повод для написания таких стихов.

г. Псков, А-ву Т., заклеймившему парикмахеров.

Клиент приходит в зал фойельный,
Ему стрижельник крикнет: «Стоп!
Внеси сначала, друг забвенный,
Мне за подстрижку сорок коп!»
За сорок коп на стриж сажает,
Голей старается остричь,
Острижку влагой промывает...

Как нам удалось выясиить, сидение клиентов на стрижах действительно стоит сорок коп., на канарейках — пятьдесят коп., на попугае ара — один рубль. За двадцать коп. можно посидеть на воробье.

УЛЫБНИСЬ, ЧИТАТЕЛЬ!

ПА-РО-ДИ-Я

Прочел в № 36 за прошлый год три одинаковых анекдота: красавица уговаривает знаменитость жениться на ней, обещая, что у ребенка будет красота матери и ум отца. А знаменитость сомневается: дескать, а вдруг наоборот? В качестве знаменитостей фигурировали бразильский футболист Тостао, Оноре де Бальзак и Александр Македонский. Непонятно, куда смотрела редакция?

А. МОКРЫНСКИЙ, г. Пенза.

Уважаемый тов. А. Мокрынский! Получив Ваш тревожный сигнал, мы тотчас же внимательно просмотрели № 36 и, к ужасу своему, обнаружили четвертый точно такой же анекдот, о котором Вы и не подозревали. Речь на этот раз идет уже о Бернарде Шоу. Тщательная проверка показала, что редакция стала жертвой новогоднего розыгрыша одного из сотрудников, который начитался перекидных календарей. В анекдотах, публикуемых в этих календарях, разные исторические лица нередко попадают в одни и те же ситуации. Решено считать публикацию четырех анекдотов в № 36 «Крокодила» пародией, а в отношении виновника ограничиться улыбкой.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

«ПРИБЫЛЬНЫЙ УТЮГ»

В № 31 за прошлый год прочитал я заметку под этим заголовком. Упоминалась там алма-атинская гостиница «Казахстан», где с клиентов берут деньги за утюг, которым они не пользовались, но могли бы пользоваться. Так, на всякий случай берут.

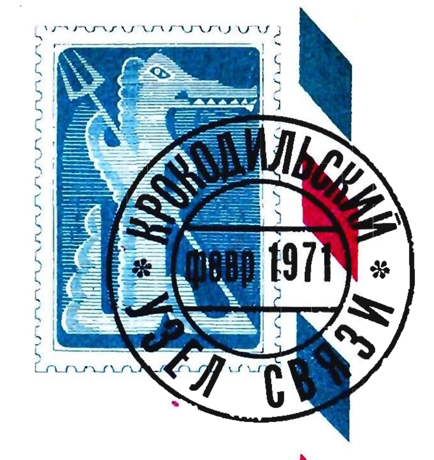
И ташкентская гостиница «Ташкент» упоминиалась. Там установлено расчетное время — 12 часов: если ты приехал, допустим, в 11 часов, то этот недостающий час считается, как сутки. А если уехал в 13 часов, то и лишний час оборачивается сутками.

Ну, так вот, побывал я недавно в Алма-Ате и останавливался в гостинице «Казахстан». Вашу заметку там, видимо, читали и, видимо, из нее узнали о ценном (буквально) почине ташкентцев: теперь и в «Казахстане» тоже существует расчетный час, и я уже за это поплатился (тоже буквально).

А. КОВТУН

г. Целиноград.

ОТ РЕДАКЦИИ: В № 3 «Крокодила» опубликовано сообщение министра коммунального хозяйства Узбекистана тов. С. Зиямова о том, что положение в гостинице «Ташкент» нормализовалось. Надеемся, что этот почин будет без промедления подхвачен и в «Казахстане».

КАК И У НАС!

Совершенно правильно изобразил художник И. Семенов сельского киномеханика в № 34 за прошлый год. Вот я лично работаю киномехаником в рабочем поселке, который находится в 100 километрах от райцентра. Кинокартину сюда можно доставить только самолетом, и загружают сразу по десять картин, а если «погода нелетная», сидим по месяцу без работы. А за это нам зарплата не идет. Итак, получаем десять кинокартин в месяц, а по плану должны показывать восемнадцать. А их не везут. И у нас простой. Не по нашей вине. Но наказывают рублем именно нас! И такая проблема у всех киномехаников нашего района.

Т. САВЕЛОВА

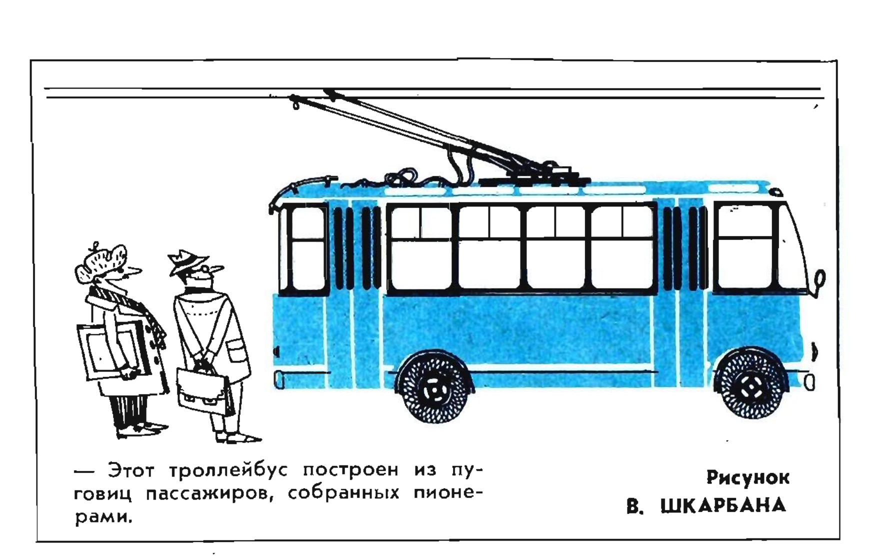
П/о Осяткино, Верхнетоемского района, Архангельской области.

Евг. ЗАМЯТИН

Я НЕ ОДИНОК

Вспоминаю
далекое детство...
На ушко
наступил медведь...
И ушел...
И уж не было средства
научиться
хоть как-то петь...
А фальшивить — не очень
вежливо,
и людей смешить
не хочу —
в результате
визита медвежьего
слушать слушаю, но...
молчу.
Прерываю порой
молчание
лишь затем,
чтоб иного певца
критикнуть за ошибку
случайную.
Словом,
плавать учу пловца:
то на чистую воду выведу,
то лавровый суну венок.
Прихожу постепенно
к выводу:
я меж критиков
не одинок!

г. Уржум.

— Этот троллейбус построен из пуговиц пассажиров, собранных пионерами.

Рисунок **В. ШКАРБАНА**

Рисунок **Г. и В. КАРАВАЕВЫХ**

— Меняю на шапку!

Последняя попытка.

Рисунок **А. ГРУНИНА**

Рисунок **А. АЛЕШИЧЕВА**

— Нигде не могу подобрать к ней подсвечник!

Марк Твен — репортер

«КЛЕМЕНС ИЗ ГАЗЕТЫ «КОЛЛ». МАРК ТВЕН В САН-ФРАНЦИСКО» — так озаглавлена книга, недавно изданная в США. Она содержит около 200 фельетонов и статей Сэмюэля Клеменса (Марка Твена), работавшего на заре своей литературной деятельности репортером.

В автобиографии, которую при жизни Твен не разрешал печатать, он рассказал, как рыскала репортерская братия по Сан-Франциско, собирая новости о политических скандалах, драках, грабежах и убийствах, о наводнениях, пожарах и прочих бедствиях. Набегавшись до поздней ночи, Клеменс брался за перо и, как он говорит, «размазывал собранную грязь на бумаге». Это был ненавистный ему труд, и все же его корреспонденции носили уже в ту раннюю пору черты самобытного таланта. Тем не менее редактор был недоволен своим репортером и скоро уволил его. «Первый и единственный раз в жизни меня выгнали с работы, и я до сих пор переживаю эту обиду, хотя я лежу в могиле», — признается Твен в автобиографии.

Многое из того, что печаталось в «Колл», за давностью утратило значение, но известная часть собранного в книге может и поныне служить образцом сатирического газетного репортажа. Мы лишили бы поклонников творчества Марка Твена удовольствия, если бы не воспроизвели несколько корреспонденций из этого сборника. Тем более что недавно исполнилось 135 лет со дня рождения великого американского писателя.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В САН-ФРАНЦИСКО

Вчера утром, в 9 часов 50 минут, произошло землетрясение. Есть предположение, что оно было ниспослано с целью дать встряску съезду демократической партии штата Калифорния; но если это так, то расчет небесной канцелярии оказался неточным, ибо съезд начинался лишь в 12 часов дня. И то ли землетрясение, то ли съезд, а возможно, то и другое, вместе взятое, отравило воздух и пропитало его запахом серы. Если винить в этом один лишь съезд, то мы будем вынуждены констатировать, что демократы дурно пахнут и их присутствие среди нас вредно для нашего здоровья.

(Клеменс и газета «Колл» поддерживали во время избирательной кампании 1864 года кандидата республиканской партии Авраама Линкольна и позицию северян в гражданской войне. **Примечание переводчика**).

УБЫТОК ВОЗМЕЩЕН ПОТЕРПЕВШЕМУ

Вчера в суде закончилось слушание дела по иску Уильяма Галлоуэя к аптекарю С. Ф. Ричардсу. После двухчасового совещания присяжные заседатели вынесли вердикт: 400 долларов в пользу истца, хотя тот требовал 2 500 долларов за вред, причиненный его здоровью: аптекарь приготовил не то лекарство, которое было выписано ему врачом. Впрочем, ответчик не удовлетворен приговором и потребует нового суда. Дело в том, что в 99 из 100 случаев вина за такие ошибки ложится на врачей: они, как и большинство юристов и священников, пишут совершенно немыслимыми каракулями. Призовите дюжину экспертов, и каждый прочитает по-своему и будет настаивать и тыкать пальцем в текст. Когда врач пишет сокращенно: «Порошки хинина», — 9 из 10 наиопытнейших аптекарей расшифруют это, без колебания, как «Порошки стрихнина», и такое дело кончится бедой; но коли вы обвиняете аптекаря, так подключите к нему и врача. Все человечество обрело бы пользу, если бы издали такой закон, который обязал бы докторов называть состав лекарств в рецептах полностью. Пусть пишут по-латыни, пусть даже по-фиджи, но надобно выводить буквы так, чтобы было видно, что они хоть один день в своей жизни сидели за школьной партой.

ИНТЕРЕСНОЕ ЗАНЯТИЕ — СУТЯЖНИЧЕСТВО

Город Сан-Франциско перещеголял весь мир по части новшеств, но изобретательность, которую проявляют его граждане в отдельности, — это явление сверхособое. Мы не стараемся производить у себя то, чем могут снабжать нас другие страны. У нас имеется громадное количество материала иного рода, и, хотя обработка его требует колоссальной затраты сил, мы это делаем с величайшим рвением.

Наше фирменное блюдо — сутяжничество. Жители Калифорнии поднимают такие невероятные вопросы и пользуются такими способами юридического крючкотворства, какие были отменены еще в древнем мире, когда писал свои творения Юстиниан и воевал Агамемнон. Иски, всех и не перечислишь! Некий обыватель имеет зуб против соседа (а найдутся ли такие обыватели, которые не имеют?!), и он отправляется в полицейский суд с жалобой на то, что этот сосед ест репчатый лук за завтраком, что, естественно, имеет к нему такое же отношение, как титульный лист словаря Уэбстера. К тому же он тянет вереницу свидетелей, осведомленных обо всем на свете, кроме одного: существа склоки. Неутомимые адвокаты заставляют свидетелей просвещать суд подробными извлечениями из истории прошлого века...

У нас в ходу только гражданский кодекс законов. Часть наших законов только именуются уголовными. Законов же, карающих преступность, у нас нет. Вы можете зарезать человека, убить из пистолета, заколоть кинжалом, и самое неприятное, что вас ждет, это обвинение в тайном ношении оружия; убийство же рассматривается как всего-навсего усугубленное обстоятельствами оскорбление действием.

Мы бросаемся судиться инстинктивно, подобно тому, как утка бросается в воду плавать. Человек не может копнуть лопатой песок, не смеет оградить забором свой участок, — ему тотчас же скажут, что там когда-то проехала чья-то телега, и его поволокут в суд, приписывая ему незаконные действия. Наши судебные учреждения завалены тяжбами, вызванными враждой, личной местью, мелкой завистью, а ко всему, сложностью получения справок. Три четверти своего времени судьи заняты выслушиванием споров старых баб и разных свидетельских показаний, за которые самих свидетелей не мешало бы посадить в тюрьму... Мы народ сутяжников, и что ни день, то становимся все хуже.

Перевела с английского
В. ЛИМАНОВСКАЯ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Перед сном дочь делится с матерью:

— Знаешь, мама, мистер Джемиссон сказал, что любит меня и подарит мне золотое кольцо с изумрудом. Как ты думаешь, можно ему верить?

— Да, доченька. Верь словам, но бери в залог ценности.

●

Соседка по купе говорит пожилой величественной американке:

— Ваш мальчик ведет себя вульгарно.

— Да?

— Он хлещет виски, курит сигару и волочится за проводницей.

— Ничего страшного, пусть немного побалуется.

— Понимаю, вы так говорите, наверное, потому, что это ваш внук.

— Выбирайте выражения, сударыня! Это мой муж.

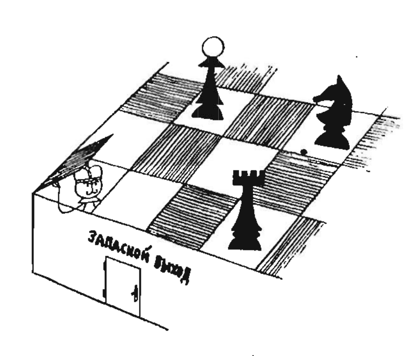
●

Миссис Джойс написала в редакцию письмо следующего содержания:

«Мой сосед купил мощный приемник, и теперь я не могу спокойно уснуть. Что мне делать? Как выразить ему свое возмущение?»

Редакция ответила:

«Купите передатчик».

«Дейли миррор». Лондон.

КРОКОДИЛ

№ 5 (1979)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, Г. Андрианов, М. Вайсборд, О. Ведерников, А. Грунин, Г. и В. Караваевы, В. Сафонов, Н. Станиловский, Ю. Узбяков, Е. Шабельник, В. Шкарбан.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» ■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 1/II 1971 г. А 00517. Подписано к печати 9/II 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2.80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (5 завод: 4 679 401 — 5 000 000) Заказ № 1294
Фотоформы изготовлены в ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ОПАСНЫМ КУРСОМ

Право руля...

Рисунок **КУКРЫНИКСЫ**